

УДК 821.161.1-192:785.161
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Щ318.5
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.51

А. С. АФАНАСЬЕВ

Казань

БАШЛАЧЁВСКИЙ ТЕКСТ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния Александра Башлачёва на Янку Дягилеву. Структурно работа состоит из двух частей. В первой части систематизируются биографические сведения об отношениях Янки Дягилевой и Александра Башлачёва и доказывается, что вопреки мнению некоторых биографов Янки влияние Башлачёва на Янку существует не только на абстрактном метафизическом (духовном) уровне. Оно прослеживается и в творческом наследии Янки Дягилевой. Во второй части анализируется стихотворение Янки Дягилевой «По свинцовому покою глубины моей...», написанное в год смерти А. Башлачёва, и делаются выводы о том, что оно, во-первых, содержит достаточно большое количество отсылок к биографическому мифу и творческому наследию поэта и, во-вторых, в нём имплицитно присутствует мысль о близкой духовной связи двух поэтов.

Ключевые слова: русская рок-поэзия, биографические мифы, русские поэты, поэтическое творчество.

Сведения об авторе: Афанасьев Антон Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.

Контакты: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18;
a.s.afanasyev@mail.ru.

A. S. AFANASEV

Kazan

TEXT BY ALEXANDER BASCLACHEV IN LIFE AND THE CREATIVITY BY YANKA DYAGILEVA

Abstract. The article is devoted to the problem of Alexander Bashlachev's influence on Yanka Dyagileva. Structurally the work consists of two parts. In the first part biographical information about the relations between Yanka Dyagileva and Alexander Bashlachev is systematized and it is proved that contrary to the opinion of some Yanka Dyagileva biographers, the influence of Bashlachev on Yanka exists not only on the abstract metaphysical (spiritual) level. It can be traced in the creative heritage of Yanka Dyagileva. In the second part Yanka Diaghileva's poem «Po svintsovomu pokoyu glubiny moei...», written in the year of A. Bashlachev's death, is analyzed and you make a statement that, first, it contains a sufficiently large number of references to the biographical myth

and the creative heritage of the poet and, secondly, it implicitly contains the idea of a close spiritual connection between the two poets.

Keywords: Russian rock-poetry, biographical myths, Russian poets, poetic creativity.

About the author: Afanasev Anton Sergeevich, PhD of Philological Science, Assistant professor of Department of Russian and foreign literature at Kazan Federal University.

В современной рокологии творческому наследию Янки Дягилевой уделяется достаточно большое внимание. В данной статье мы хотим продолжить уже начатое нами исследование проблемы соотношения текста жизни и творчества Янки Дягилевой с подобным текстом других представителей рок-культуры. И если в предыдущей статье мы рассматривали взаимовлияние Егора Летова и Янки Дягилевой [9], то здесь мы обратимся к анализу башлачёвского текста в биографии и творчестве Янки.

Начнём с биографии. Наверное, самое полное жизнеописание Янки можно найти на сайте <http://yanka.lenin.ru>. На него в основном мы и будем ссылаться. Считается, что Янка и Александр Башлачёв познакомились в декабре 1985 года на одном из квартирников в Новосибирске: «Башлачёв не сразу нашел общий язык с новосибирцами. Янка подошла к нему и сказала: “Хочешь, я тебе лисичку нарисую?” И нарисовала (этот рисунок сохранился у янкиных друзей). С этого эпизода и началась дружба Саши и Янки. Александр с первой встречи произвёл на неё сильное впечатление, оказавшее огромное влияние на дальнейший творческий путь Янки. С этого времени по сути и началась Янка такая, какой мы её знаем» [6]. Этот же эпизод с лисичкой упоминается и в биографии Льва Наумова «Александр Башлачёв: человек поющий» [3], и в книге «Янка. Сборник материалов» [7]. Кроме того, в обоих изданиях приводится и интересное для нас высказывание Анны «Нюрыча» Волковой: после общения с Башлачёвым «у неё (Янки – А. А.) крыша съехала совершенно, всё представление о мире кончилось, и началась новая жизнь, собственно говоря <...> она была в состоянии совершенно шокового потрясения, глубокого, после чего она, собственно, бросила институт, быстро-быстро собралась и уехала» [6, с. 293–294].

Следующая знаковая встреча Башлачёва и Янки датируется февралём 1987 года: «В период с 5 по 7 февраля состоялись два важных события в жизни Янки: сначала был квартирник у Ирины Летяевой <...> и сиделки дома у Яны, Саша пел там песни в компании друзей и музыкантов <...> Вспоминают, что как раз в это время он находился в сильной депрессии, и Янка как-то помогала ему справиться с этим состоянием. С Янкой они дружили, общались, Саша дарил ей свои записи, черновики неисполненных песен. Уезжая, оставил Янке свои легендарные колокольчики, которые до сих пор хранятся как реликвия в семье Янки <...> Видимо, после

всех этих встреч и началось становление Янки как автора. Она стала гораздо серьезнее относиться к своим стихам, некоторые из них оформила в качестве песен. Отец вспоминает, что тогда она начала подолгу сидеть в своей комнате, что-то записывая, сочиняя. После этой встречи Янка на время забросила подруг, тусовки, сильно переменялась – находилась в состоянии огромного потрясения» [6].

В этом же 1987 году они ещё раз пересеклись в Ленинграде на квартирнике Башлачёва: «Яна обрадовалась возможности встретиться с Сашей, но тому, похоже, тогда уже ничего было не нужно. Янка и Егор сидели дома у Сергея Фирсова, когда позвонил Башлачёв с приглашением на свой квартирник. Потом трубку взяла Янка. Но в телефонном разговоре Александр не проявил никакого интереса к её приезду, что расстроило Янку: она приняла его нежелание общаться на свой личный счёт <...> Концерт был очень неудачный, – СашБаш находился в депрессии, играл мало и неэнергично: спев несколько песен, оборвал выступление. Летов был разочарован увиденным – по рассказам Янки он ожидал чего-то невероятного, а увидел опустошённого, потухшего, погружённого в свои проблемы человека. Всё это произвело на Яну очень гнетущее впечатление. После этого концерта она за несколько часов написала восемь песен – известнейших вещей, вошедших впоследствии в альбомы “Не положено” и “Деклассированным элементам”, а также стихотворение “Засыпаем с чистыми лицами”, снабдив его комментарием “Это я обиделась на Башлачёва”» [6].

Из всех вышеперечисленных фактов можно сделать следующий вывод: Башлачёв каким-то образом перевернул мироощущение Янки, под его влиянием она стала формироваться как поэт и под впечатлением от опустошённого Башлачёва написала ряд песен. К сожалению, наверное, нам так и не удастся узнать ответ на главный вопрос: о чём говорили Башлачёв и Янка, что заставило её творить?

Далее. Если Башлачёв и его поэзия очень сильно повлияли на Янку, то, следовательно, башлачёвские «следы» должны обнаруживаться и в поэзии Дягилевой. Однако в биографии Янки читаем: «Но как бы там ни было, – не стоит выискивать какой-то тайный смысл в дружбе Янки с Сашей, и, тем более, исходя из этого, пытаться как-то связать их творчество. Факт знакомства этих, без сомнения, гениальных людей может представлять интерес человеческий, биографический, но для понимания песен Янки или Башлачёва он не даёт ничего нового» [6]. И ещё: «Известная рок-журналистка и театровед Марина Тимашёва неоднократно пыталась запараллелить Янкины песни с Башлачёвым. Но по стихам (не по песням, так как стихов гораздо больше – около восьмидесяти) влияния или сходства не отследить. Есть стихотворение 1987-го года, посвящённое “А. Б.”, есть аллитеративное “Я голову несу на пять корявых кольев”, которое могло быть написано в порядке творческого соревнования или даже пародии, – но различий гораздо больше, чем сходства. Если уж на то пошло, можно притянуть за уши что угодно и к чему угодно. Но зачем?» [6]. Цитируемые высказывания биографов кажутся слишком категоричными, резкими и

парадоксальными: в литературном процессе не было такого, чтобы один автор был под сильным впечатлением/влиянием от другого и в то же время так или иначе не обращался к нему в своём творчестве.

О влиянии поэзии Александра Башлачёва на Янку очень интересно высказался Егор Летов: «Башлачёва она боготворила всю жизнь, считала его высшим мериллом творчества <...> Янка с Башлачёвым были знакомы, была какая-то связь духовная, и она считала всегда, что всё, что она делала – это принцип творчества Башлачёва, вот как он всё это создавал. То есть она знала, как это делается, как он это писал, сам *принцип* (курсив автора – А. А) – и в том, что она была никакой, разумеется, не панк, это было из области “башлачёвского”» [7, с. 347–348.]. Комментируя эти слова Егора Летова, безусловно, стоит принимать во внимание общий пафос данного воспоминания, красной нитью в котором проходит мысль о том, что он не оказывал давления на Янку, в том числе и в плане творчества. Александр Башлачёв выступает здесь той фигурой, которая признаётся Егором Летовым как определяющая истоки творчества Янки.

Первые попытки отметить сходства художественного мира Башлачёва и Янки принадлежат уже упоминавшейся Марине Тимашёвой: «Наиболее явно Янка наследовала А. Башлачёву. О нём напоминало интонирование, строение строк, образность. Не о совпадениях речь. Чаще заимствованные образы переосмыслились, приобретали иной знак и эмоциональный оттенок. “Как вольно им петь и дышать полной грудью на ладан. Святая вода на пустом киселе неживой. Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада пойдут по воде над прекрасной шальной головой”. Сравните строки Башлачёва с Янкиными: “И в тихий омут буйной головой. Холодный пот – расходятся круги”. Или с такими: “Нелепая гармония пустого шара заполнит промежутки мёртвой водою”. Обратите – у Янки символ ужесточается, ее вода – “мёртвая”, у Башлачёва – “неживая”.

Или: “Поэта не взять всё одно ни сумой, ни тюрьмой. Короткую жизнь – семь кругов беспокойного лада – поэты идут и уходят от нас на восьмой”. Не так у Яны: “От большого ума – лишь сума да тюрьма”. Яна утверждает то, что отрицает Башлачёв. У Башлачёва, скажем, “восьмой круг” – жизнь после смерти, бессмертие. Посмотрите, как использует те же слова Янка: “второй упал, четвёртый сел, восьмого вывели на круг”. Та же пара слов – и никакой умиротворённости, никакого “после”, только смерть. То же ощущение, что и у СашБаша, пропеваётся ею в другой вещи: “Параллельно пути чёрный спутник лети. Он утешит, спасёт, он нам покой принесет”. “Гробовая тоска” Башлачёва эхом отзовется в “косой доске” Янки, а “Расея – чёрный дым” – “рожки-ножки чёрным дымом по красавице земле”» [7, с. 156–157]. Как мы видим, М. Тимашёва не только выявляет реминисценции Янки из Башлачёва, но и фиксирует в некоторых случаях семантическую разницу образов, встречающихся у обоих поэтов.

Интересную параллель отмечает в своём анализе творчества Янки и Башлачёва писатель Дмитрий Быков. Он считает, что целесообразнее говорить не о влиянии Башлачёва на Янку, а об общих источниках их твор-

чества. По его мнению, таким источником является фольклор, который по непонятной самому Дмитрию Быкову причине и приводит обоих к трагическому финалу: «...оба они (СашБаш и Янка – А. А.) пытаются воскресить фольклор <...> И вот здесь-то выясняются, пожалуй, самые страшные вещи. Выясняется, что этот русский фольклор ... те добродетели, которые в нём воспеваются и лежат в основе его – это добродетели, не совместимые с жизнью, как ни ужасно это звучит. Попытка вернуться от советского к русскому обернулась катастрофой в обоих случаях. И Янка, и Башлачёв (СашБаш) – оба движутся, конечно, от советской поэтики, от советского штампа вглубь традиции, и эта традиция почему-то их убивает. Может быть, потому, что действительно следование традиционным русским добродетелям, как они заявлены в фольклоре, почему-то с жизнью не совмещается <...> Этот путь назад оказался дорогой в бездну» [2].

Как нам кажется, одной из самых интересных статей, посвящённых анализу творчества Янки Дягилевой, является работа С. В. Свиридова «Ничья на карусели. Об интертекстуальном коде одной песни Яны Дягилевой» [4]. Анализируя рок-композицию «На чёрный день», литературовед обнаруживает в ней ряд претекстов, в том числе и претексты Александра Башлачёва. Речь идёт о стихотворениях «На жизнь поэтов» (к нему отсылает используемые Янкой Дягилевой мотивы вращения и конца пути, числовая символика; как мы видели, эту же параллель заметила М. Тимашёва) и «Егоркина былина» (заимствование образа «расписной шали»).

Таким образом, можно и нужно говорить о том, что влияние Башлачёва на Янку существует не только на абстрактном метафизическом (духовном) уровне. «Следы» череповецкого поэта обнаруживаются и стихотворном наследии Янки, и в следующей части работы мы попробуем отыскать новые отсылки у Янки Дягилевой к жизни и творчеству А. Башлачёва.

В рамках данной статьи мы хотели бы подробно остановиться на стихотворении «По свинцовому покою глубины моей...» (1988), датированном 1988 годом – годом смерти Александра Башлачёва. Оно написано после самоубийства поэта, и уже в первой строфе (и даже в первой строчке – словосочетание «свинцовый покой» выстраивает ассоциативный ряд «свинцовый гроб», «покойник», «смерть») Янка задаёт тему смерти и включает отсылку к «тексту смерти» А. Башлачёва:

По свинцовому покою глубины моей
Нерастрченных страданий тёмно-синих дней
По шершавому бетону на коленях вниз
Разлететься, разогнаться – высота, карниз¹

Тема смерти будет развиваться и дальнейшем:

¹ Все стихотворения Янки Дягилевой цитируются по: [8].

За чертою отлетевших просветлённых душ
За глазами с пятаками круга не нарушь

Прилагательное «отлетевших» в данном контексте может прочитываться не только сквозь призму христианских представлений об отлёте души из тела после смерти, но и опять-таки через уже упоминавшийся башлачёвский «текст смерти» (выпадение из окна).

Во второй строфе появляется мотив дыры («Зацепившись отраженьем из зеркальных дыр») – один из важнейших мотивов художественного мира А. Башлачёва. Сразу же возникает ассоциативная связь с композицией «Чёрные дыры». Как пишет С. В. Свиридов, «“чёрная дыра” (в поэзии Башлачёва – А. А.) метафорически связывает человека, время, бытие. Но сам человек пассивен, перед лицом истины его “больше нет”, его сущность истоцилась до пустоты. На конец 1984 года и начало 1985 приходится самые безысходные песни Башлачёва» [5]. Мотив пространственной пустоты, поддерживающийся образом «нежилых квартир», и опустошённости тела без отлетевшей души связывает стихотворение Янки с «Егоркиной былинной», где коррелируют образы души (судьбы) и дыры:

– То не просто дрань, не ушаночка,
то судьба моя лопухая
вон – дырявая, болью трачена,
по чужим горбам разбатрачена...
<...>
Износил ты душу
до полных дыр [1, с. 130]

В третьей строфе появляется образ круга: «За глазами с пятаками круга не нарушь». Здесь можно увидеть аллюзии минимум к двум текстам Александра Башлачёва. Первый – уже упоминавшийся ранее «На жизнь поэтов». В таком случае круг в стихотворении Я. Дягилевой – это «восьмой круг» из текста Башлачёва: «“Восьмой круг” выходит за крайнюю точку рационально отмеренного жизненного пути и продлевает его в инобытие, в бессмертие» [4, с. 160]. В стихотворении Янки отлетевшая душа продолжает свой путь-движение («с круговой конфигурацией» [4, с. 160]) в бессмертии, поэтому так важно не свернуть с него.

Однако есть у А. Башлачёва стихотворение, в котором образы круга и пятака присутствуют в пределах одной строфы. Это стихотворение «Когда мы вместе»:

Забудь, что будет.
И в ручей мой наудачу брось пятак.
Когда мы вместе – все наши вести в том, что есть.
Мы можем многое не так.
Небеса в решете, роса на липовом листе,
И все русалки о серебряном хвосте
Ведут по кругу нашу честь [1, с. 137].

Через заголовочный комплекс стихотворения может быть установлен мотив родства двух душ: отлетевшей души лирического объекта и опустошённой души лирического субъекта. Этот же мотив поддерживается и строчкой из следующей строфы янкиного стихотворения: «Погляди на обнажённый блеск колёсных спиц», отсылающего к тексту Башлачёва «Влажный блеск наших глаз».

Заканчивается стихотворение Янки Дягилевой следующими строфами:

Погляди, махни рукою, слабо улыбнись
Отойди, постой в сторонке, к лесу обернись
Забери с собою небо в крапинках утра
Заверни в своё дыханье – нам уже пора

Уходить за перелески проливным дождём
Оставляя за плечами беспокойный дом
Обрывать последний стебель красного цветка
Забывать о чистом звоне свежего глотка.

Сюжет блуждающей души в лесу актуализируется А. Башлачёвым в стихотворении «Ванюша»:

Пройдёт вдоль речки
Да тёмным лесом
Да тёмным лесом
Поковыляет,
Из лесу выйдет
И там увидит,
Как в чистом поле
душа гуляет,
Как в лунном поле
душа гуляет,
Как в снежном поле
душа гуляет... [1, с. 159].

Инфинитивные формы последней строфы стихотворения Янки не позволяют точно сказать, является ли это высказывание обращением к лирическому объекту или же рассуждением лирического субъекта. Возможно предположить, что именно здесь, в финале, и происходит соединение двух душ.

Таким образом, проанализировав стихотворение Янки Дягилевой «По свинцовому покою глубины моей...», мы пришли к выводу, что, написанное в год смерти А. Башлачёва, оно, во-первых, содержит достаточно большое количество отсылок к биографическому мифу и творческому наследию поэта и, во-вторых, в нём имплицитно присутствует мысль о близкой духовной связи двух поэтов.

Литература

1. *Башлачёв А.* Как по лезвию [Текст] / А. Башлачёв. – М.: Время, 2005. – 256 с.
2. *Быков Д.* Материал о Янке Дягилевой и Александре Башлачёве в программе «Один» на радио «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] / Д. Быков. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/odin/1797020-echo/> (дата обращения: 28.04.2018).
3. *Наумов Л.* Александр Башлачёв: человек поющий [Текст] / Л. Наумов. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2013. – 543 с.
4. *Свиридов С. В.* Ничья на карусели. Об интертекстуальном коде одной песни Яны Дягилевой [Текст] / С. В. Свиридов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2012. – № 8. – С. 158–163.
5. *Свиридов С. В.* Поэзия А. Башлачёва: 1984–1985 [Электронный ресурс] / С. В. Свиридов // Сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/bashlatchev/5_5.html (дата обращения: 30.04.2018).
6. Янка Дягилева. Биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanka.lenin.ru/biography.htm> (дата обращения: 28.04.2018).
7. Янка. Сборник материалов [Текст] / составители Е. Борисова, Я. Соколов. – СПб.: Облик, 2001. – 607 с.
8. Янка Дягилева. Стихи и тексты («Сборник Якова Соколова») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanka.lenin.ru/knigi/yaha_txt.htm (дата обращения: 29.04.2018).
9. *Afanasev A. S., Breeva T. N., Domansky J. V.* Poetic system interaction by Yanka Dyagileva and Egor Letov [Text] / A. S. Afanasev, T. N. Breeva, J. V. Domansky // *Astra Salvensis*. – 2017. – Vol. 5. – Is. 10. – P. 367–374.